

Научное издание

Scientific publication

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

Том сто девяносто пятый

Volume one hundred ninety five

Москва, 2015

Moscow, 2015

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Published by the Free economic society of Russia
№ 22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Над выпуском работала:
М.В. Абросимова

Responsible for edition:
M.V. Abrosimova

Подписано в печать 18.09.2015 г. Заказ № _____, Тираж 1000 экз.
Отпечатано по заказу ЗАО «ОЛИМПИЙСКАЯ ПАНОРАМА»
в типографии «OneBook.ru»
125090, г. Москва, Протопоповский пер., 6

Passed for printing 18.09.2015. Order № _____, Circulation: 1000 copies.
Printed by order of the «OLYMPIC PANORAMA» Ltd
Printed by the «OneBook.ru»
№ 6, Protopopovsky per., Moscow, 125090, Russia.

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775 от 11.05.2000.
Подписной индекс – 10920 в Каталоге российской прессы «Почта России»

The certificate of Mass-media registration – PI № 77-3786 20.06.2000.
License for publishing activities – ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© Вольное экономическое общество России, 2015

© The Free economic society of Russia, 2015

ISBN 978-5-94160-189-9
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-189-9
ISSN 2072-2060

В ПОИСКАХ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

IN SEARCH OF NEW NORMALITY

А.А. ДЫНКИН

член Президиума ВЭО России, директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, член Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

A.A. DYNKIN

member of the Presidium of the VEO of Russia, director of the Institute of world economy and international relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Council on science and education under the President of the Russian Federation, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-secretary of the Department of Global problems and international relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor

Аннотация

В статье дается развернутая характеристика современного миропорядка и обосновывается выдвинутая ИМЭМО концепция по-

лицентричного мира с динамичной сменой иерархий – «новая нормальность», которая подразумевает ситуацию неопределенности и высокой волатильности, сложившейся в мировой экономической политике. Многие тренды, которые сложились в конце XX века, сегодня подвергаются тяжелым испытаниям – старый мировой порядок сломан, и путь к новому мироустройству будет очень непростым. Россия, несмотря на очевидный прогресс, в последние годы столкнулась с необходимостью поиска новой модели экономического роста. Эта модель должна быть связана со структурными и институциональными изменениями, качеством трудовых ресурсов, инновациями, новыми технологиями. По мнению автора, не существует выведенных на экспертном, научном уровне неких универсальных алгоритмов, закономерностей экономического и политического развития, на которые можно было бы ориентироваться в XIX веке. Есть различные экономические концепции, но они приемлемы далеко не для всех регионов и стран. Поэтому мировое сообщество находится в поиске нового экономического постулата. И это тоже пример поиска «новой нормальности» – нужны новые экономические концепции, а не универсальные алгоритмы. Мир делает шаг от общих ценностей к балансу интересов.

Abstract

The article gives a detailed characteristic of the modern world order and substantiates the concept of a polycentric world with a dynamic change in hierarchies suggested by IMEMO – a «new normality» that implies the situation of uncertainty and high volatility in the world economic policy. Many trends shaped in the 20th century are running the gantlet now – the old world order is broken and the way to a new order will be very tortuous. Despite the obvious progress, Russia has recently come across the need for finding a new economic growth model. This model should be connected with structural and institutional changes, the quality of human resources, innovations, and advanced technologies. The author believes that there are no universal algorithms and regularities of economic and political development created at the expert and scientific levels that can be used as guidelines in the 21st century. There are different economic concepts, but

they are hardly acceptable for all regions and countries. Therefore the global community is in search of a new economic postulate and it is also an example of looking for a «new normality» – there is a need for new economic concepts rather than universal algorithms. The world makes a step from common values to the balance of interests.

Ключевые слова: кризис миропорядка, тренды, вялотекущая рецессия, политические конфликты, модернизация, драйверы роста, сланцевая революция, «новая нормальность», кризис, полицентричный мир, иерархия, «реактивная» политика, «холодная война», универсальные алгоритмы, экономические концепции, дефляция, новые экономические постулаты, «прогрессорство», инновационное ускорение, инновация, адаптационные механизмы, векторы, «профессорство», идеологический плюрализм, баланс интересов, пределы влияния, полицентризм, иерархия стран, новая модель экономического роста.

Keywords: crisis world order, the trends, the sluggish recession, political conflicts, modernization, the growth drivers, the shale revolution, «the new normality», the crisis, polycentric world, the hierarchy, the «reactive» policy, the cold war, universal algorithms, economic thinking, deflation, new economic postulates, «progressista», innovation acceleration, innovation, adaptation mechanisms, vectors, «professorship», ideological pluralism, the balance of interests limits of influence, polycentrism, hierarchy of countries, a new model of economic growth.

Во втором десятилетии нынешнего века мир вступил в очевидный кризис миропорядка. Многие тренды, которые сложились в конце XX века, сегодня подвергаются тяжелым испытаниям. Мы являемся свидетелями почти 20-летнего застоя японской экономики. В Евросоюзе уже 10 лет продолжается вялотекущая рецессия, мы наблюдаем кризис евроинтеграции, близкие к нулевым темпы экономического роста. В геометрической прогрессии растет число разного рода политических конфликтов. Остро стоит проблема миграции в Европе: конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке выталкивают туда огромные массы индустриального населения, и европейцы просто не в состоянии их

переварить. С концепцией мультикультурности они, очевидно, провалились.

Можно говорить о том, что христианская цивилизация, которая доминировала на протяжении последних 500 лет, сегодня уже не универсальна, из исторической тени вышли другие цивилизации – Китай, Индия, исламский мир. Там совсем иная культура, иная история, иные принципы социального сплочения между людьми: кланы, все еще сильные родоплеменные связи, территориальные землячества имеют в их глазах большую ценность, чем стандарты европейского социума.

Мы последние 20 лет считали, что экономический рост выше 10% в год, как в Китае, это нормально. Но страна завершила этап первоначальной модернизации. Сегодня нужны другие драйверы роста, ориентация на внутреннее потребление, а не только на экспорт, существенные инвестиции в защиту окружающей среды. Но одновременно с внутренним спросом растет стоимость рабочей силы, и Китай уже не так привлекателен для иностранных инвесторов.

Одновременно произошла так называемая сланцевая революция, которая привела к тому, что США вышли на первое место в мире по добыче газа и нефти. И это тоже «новая нормальность», потому что Соединенные Штаты всегда были страной, зависимой от импорта углеводородов. Мы видим кризис НАТО, которая после холодной войны так и не определила для себя новых задач. И все это произошло почти одновременно. Идет перелом трендов. Мир ищет «новую нормальность».

ИМЭМО выдвинул концепцию полицентричного мира с динамичной сменой иерархий – для описания современного миропорядка. То, что в Вашингтоне в свое время восприняли рывок Советского Союза как свою победу в холодной войне, привело к драматическим последствиям. К России стали относиться как к державе третьего или даже четвертого уровня. В силу этого был предпринят ряд, на мой взгляд, ошибочных политических выводов и шагов.

Скажем, в начале нулевых годов была популярна концепция «Большого Ближнего Востока», с которой носилась Кондолиза Райс. Считалось, что если свергнуть пару режимов и подтолкнуть

какие-то преобразования в арабских странах, то это пространство может стать сплошной территорией прав человека и свободы. В 2003 году эта концепция привела к интервенции в Ираке. Тогда у европейцев – Жака Ширака во Франции и Герхарда Шредера в Германии – хватило стратегического чутья не участвовать в этой авантюре. Чем она закончилась, мы с вами знаем: теперь вместо прекрасного «Большого Ближнего Востока» у нас большое Исламское государство. И это стало возможным, в частности, потому, что все решения принимались без каких-либо консультаций с нами, с Россией.

В конце концов «Арабская весна» – цепь революций, начавшаяся свержением правящего режима в Тунисе, привела к драматическим последствиям в Ливии, Сирии, Йемене. Хорошо, что армия взяла в свои руки ситуацию в Египте.

Все это время мы были на периферии мировой политики. Мы занимались в основном постсоветскими странами, причем без продуманной стратегии, проводя реактивную политику. Мы по старинке относились к ним как к своим изживенцам. Достаточно сказать, что до 2004 года Россия поставляла на Украину углеводороды почти по внутренним ценам, а ведь эта страна с 1991 года стала независимой. Мы вырастили там элиту, которая не занималась ни структурными реформами, ни тяжелым институциональным строительством, что худо-бедно шло у нас, – а только перераспределяла транзитную и российскую природную ренту.

В 2004 году был первый майдан, но элиты остались те же. Они перегруппировались и продолжили заниматься тем, чем занимались раньше, в экономике и политике сложилась олигархическо-клановая структура. Можно было, конечно, перенести пункт, сдачи потребителям экспортных углеводородов, с бывшей советской границы со Словакией на границу России с Украиной, но этого сделано не было.

Между тем, сама Россия очень неплохо экономически прогрессировала в 2000-х – в среднем ВВП рос примерно на 7% в год. Уровень жизни в России достиг, наверное, самого высокого уровня, по сравнению со всем XX веком. На Западе этот момент пропустили. И речь Путина в Мюнхене в 2007 году, которая там была воспринята как конфронтационная, на мой взгляд, была

просто предупреждением, что мы вернулись обратно – мы здесь, в мире, и особенно в Европе. Но никто не обратил на это внимания. В 2008 году, когда прозападный режим в Тбилиси начал военную авантюру, решительные действия России были еще одним таким же сигналом, но его опять не поняли.

Конечно, наша политика на Украине могла бы быть более гибкой. Мы могли бы раньше понять, к чему идет дело, когда Янукович начал чаще бывать на Западе, чем в Москве. Только когда ситуация перешла в эндшпиль, Путин послал Улюкаева в Брюссель с предложением провести трехсторонние переговоры, чтобы решить беспокоившие нас вопросы, связанные, в частности, с таможенными сборами, техническими стандартами и другими, беспокоившими нас вопросами при подписании Украиной соглашения об ассоциации с ЕС. По опыту могу сказать, что на их решение хватило бы трех недель плотных переговоров. Но Баррозу сказал: «Поздно. Через месяц у нас подписание соглашения об ассоциации» – и все пошло по очень тяжелому, драматичному сценарию.

Конечно, это был и просчет Евросоюза, который, очевидно, видел только геостратегическую борьбу за территорию. Но если бы мы начали вплотную заниматься Украиной, скажем, году в 2005-м... Мы пропустили тот момент, когда учебники истории в украинских школах сменили на ультранационалистические, и на этих учебниках выросло целое поколение. А Запад не оценил того, что Россия восстановилась, что это совершенно другая страна, чем та, что была в середине 1990-х годов.

В 1994 году мне довелось работать в группе Джеффри Сакса, когда он, полный энтузиазма, приехал в Россию в качестве советника российского правительства. До этого он выполнял аналогичную функцию в Польше и искренне недоумевал, почему в Вашингтоне с полным пониманием встречали его предложения списывать полякам долги, давать субсидии, кредиты, обучать кадры и так далее, а когда он в том же ключе заговорил о России, то услышал: «Нет. Советский Союз проиграл в холодной войне, пускай они как-нибудь сами. Мы не станем мешать, но такой массивной помощи, которую получила Польша, не будет».

Это ощущение победы в холодной войне привело к цепи ошибок, с результатами которых мы, на мой взгляд, и имеем дело сегодня.

Что касается выведения на экспертном, научном уровне неких универсальных алгоритмов, закономерностей экономического и политического развития, вроде тех, на которые мы привыкли ориентироваться в XX веке, то социальные науки тем и отличаются от точных, что здесь очень много факторов, которые никакой алгоритм не учитывают: человеческие ожидания, ощущения, фобии, опасения, инстинкт толпы. Это только конспирологи уверены, что где-то есть некая мировая закулиса, которая всем управляет при помощи алгоритмов, выведенных нобелевскими лауреатами. Это глубокое заблуждение. Есть различные экономические концепции, но и они не универсальны и годятся далеко не для всех регионов и стран. К примеру, «Капитал» Маркса в свое время изданный в Германии тиражом в тысячу экземпляров, разошелся за три года, а пятитысячный тираж его русского перевода раскупили за год.

Конечно, после успешного послевоенного восстановления Европы были популярны так называемые кейнсианские модели экономики. Потом возникла угроза гиперинфляции и доминирующей стала концепция Милтона Фридмана, Чикагской экономической школы, согласно которой надо иметь сбалансированный бюджет и ориентироваться не на стимулирование роста, а на конкурентные силы. Конкуренция считалась основным драйвером роста, и это работало.

Но сегодня экономике угрожает не гиперинфляция, а дефляция, поэтому школа Милтона Фридмана неизбежно будет заменена каким-то новым экономическим постулатом. Его еще нет. И это тоже пример поиска «новой нормальности». Кейнсианство работало в Европе, когда там было много молодежи – результат послевоенного бэби-бума. А сегодня Европа – страна стариков. Тут нужны другие экономические концепции, а не какие-то универсальные алгоритмы.

Упрек критиков, адресованный нынешнему правительству, в том, что оно чрезмерно доверяет этим алгоритмам без учета ре-

альной ситуации – это стандартный упрек аутсайдеров, которые сами имеют мало отношения к реальности. Я работал помощником по экономике в правительстве Примакова. Вы знаете, как нас критиковали в газетах? А ведь правительство Примакова было по-настоящему либеральным, – оно первым в новой России сбалансировало бюджет.

Есть люди, которые сами себя называют государственниками, они очень любят госрегулирование и очень хотят порулить бюджетными потоками. У меня много профессиональных претензий к правительству, но, поверьте, вся его критика в СМИ во многом вытекает именно из посыла: «Дайте порулить».

Я недавно был на заседании совета директоров одной очень сильно машиностроительной компании, и мне показали, как они зарегулированы правительственными нормативами: у них только по инновациям 51 показатель. Говорят, что у нас свободный рынок, а он у нас перерегулированный. Есть просто смешные индикаторы. Например, 40% продукции должны быть инновационными. Вот и переставляют ради этого какой-нибудь прибор с одной модели изделия на другую. Но об этом никто из дежурных критиков, которые двадцать с лишним лет рассказывают про промышленную политику, не говорит.

Создание госкорпораций – это во многом вынужденная мера. Например, «Ростех»: если бы не было принято решение и не было бы финансовых ресурсов, чтобы создать эту компанию, то окончательно умерли бы и наш ВПК, и производства, связанные с хай-теком. Это был инструмент их спасения. Сегодня некоторые из них функционируют вполне прилично, некоторые еще плохо, но в руках тех, кто принимал решения об их создании, других инструментов фактически не было.

Или «Газпром», который, на мой взгляд, функционирует не очень хорошо, и это многие понимают. К примеру, его руководство не увидело тренд сланцевой революции, более того, всячески его отвергало. Конечно, многие внутренние процессы в этой корпорации не вполне современные, но если посмотреть устав, то первый его пункт гласит, что цель «Газпрома» – обеспечение населения России газом по приемлемым ценам. И с этой задачей он

справляется. Пора ли переводить эту отрасль на чисто коммерческий режим или нет? У меня нет ответа, потому что наше население не справится с ценами, которые существуют сегодня на той же Украине. «Газпром» газифицировал значительную часть территории нашей страны. Он выполняет важную социальную функцию. Конечно, конкурентная экономика с приемлемым уровнем государственного регулирования – это хорошо. Но по сути это ведь просто такой слоган. А правительству нужно принимать конкретные решения в конкретных ситуациях.

Чтобы быть на равных с сильными игроками, существующими сейчас на мировом политическом поле, начать реально влиять не только на внешнеполитические, но и на экономические процессы в мире, нужно заниматься экономикой, экономическим ростом. Конечно, это легче сказать, сидя в академическом институте, чем сделать, будучи в правительстве. Но я бы убрал очень много лишних инструментов контроля за крупным, малым и средним бизнесом. И ввел бы понятное налоговое стимулирование инвестиций и вложений в НИОКР. Не через «Роснано», а чтобы все этим занимались. А то мы ввели налоговую льготу на инвестиции в НИОКР, а бизнесмены ею не пользуются. Говорят: «чтобы доказать налоговой инспекции, что эти затраты были направлены на НИОКР, надо держать штат из пяти-шести высокооплачиваемых юристов». То есть качество налогового администрирования еще не высоко. Повысить его, сделать адекватным – это задача государства. Важным считаю большую финансовую самостоятельность, под ответственность губернаторов. Посмотрите на Калужскую область. Там все очень не плохо

А серьезным игроком мы и так, безусловно, являемся. Возьмите историю с сирийским химическим оружием – если бы не наше участие, американцы начали бы бомбить Сирию и она уже стала бы территорией Исламского государства. Мы решили этот вопрос. Когда я слышу, что мы зависимы от Китая, я с этим категорически не согласен. Я считаю, что наши внешнеполитические ведомства гораздо более профессиональны, чем китайские, и решения у нас принимаются быстрее, чем в Китае.

Почему к нам приезжал премьер-министр Италии? Потому что ИГИЛ находится в 200 милях от границы с этой страной. В ЕС,

конечно, волны объявлять санкции, разговаривать о поставках оружия на Украину, но стратегического видения, что делать с Украиной или с тем же ИГИЛ, там нет. Или точнее, в отношении России тон задают вылезшие из старых окопов Холодной войны политики и эксперты. Вспоминают старые клише, стереотипы и инструменты. А вот что делать с реальной новой угрозой XXI века – не знают.

Кстати, не надо думать, что ИГИЛ – это только какие-то необразованные фанатики. Это еще одна ошибка американцев – то, что после оккупации Ирака они сделали ставку только на шиитов. Саддам был суннитом, вся его армейская элита и государственные чиновники были суннитами. Их, что называется, сбросили с корабля истории, и сегодня костяк армии ИГИЛ составляют офицеры саддамовской армии, а это совсем не дикие люди. Они занимаются нелегальным экспортом нефти через Турцию и, говорят, зарабатывают 3–5 миллионов долларов в день, они экспортируют в Великобританию мелкие произведения искусства из разрушенных музеев, то есть у них приличные связи в Европе.

Об этом хорошо писали Стругацкие в своей научно-фантастической повести «Трудно быть богом». Американцы попробовали стать богом, думали, что могут властвовать над историческим процессом, а получили в качестве противников таких ребят, по сравнению с которыми Саддам выглядит бойскаутом. В этом опасность прогрессорства. Мне Америка сегодня напоминает Советский Союз в расцвете застоя, когда какой-нибудь «людоед» говорил, что он за социалистический выбор, немедленно получал деньги и оружие. Вот и сейчас тот, кто говорит, что он за права человека и демократию, – мгновенно получает поток оружия и даже поддержку с воздуха силами ВВС. Вспомните, как начинался мятеж в Ливии: «В Бенгази демократы, они идут на Триполи, надо им чуть-чуть помочь!» – кричали во Франции и Америке. А потом эти «демократы» убили посла США и взорвали французское посольство. Вот это прогрессорство при столкновении с другой цивилизацией и культурой очень тревожит.

Недавно в журнале *American Journal of Public Health* я наткнулся на такие цифры: с конца Второй мировой войны произошло 258 вооруженных конфликтов в 153 точках мира, причем

Соединенные Штаты инициировали 201 из них, то есть больше 80%. Это цена прогрессорства.

Некоторые любят предрекать Штатам крах. Конечно, государственный долг Америки велик, но он велик потому, что другие страны покупают государственные облигации Федерального казначейства США. Почему? А на сегодня это лучший и самый ликвидный инструмент сохранения профицитов федеральных бюджетов. И мы среди их покупателей находимся всего лишь на 11-м месте: перед нами Китай, Индия и другие страны. Покупают, потому что доверяют американской политической и экономической системе.

Кроме того, примерно 40% торговых и валютных операций в мире сегодня осуществляются в долларах, а в евро – где-то 20%, и эта доля снижается; на юань приходится около 2%.

Сегодня США не только занимают первое место по объему ВВП, но – и это проблема для всех стран – на них приходится 37% мировых оборонных расходов. Естественно, у Штатов очень динамичный комплекс производства вооружений, который во многом дает инновационное ускорение. Интернет – результат вложений DARPA, управления Пентагона, занимающегося перспективными технологиями, которые на первых этапах продвижения не имеют коммерческой составляющей. Дроны, беспилотные летательные аппараты, пришли оттуда же. Если говорить о мировом научном бюджете, то на Соединенные Штаты приходится примерно 30%. И во всех их стратегических документах указывается, что до тех пор, пока они будут лидерами в инновациях, они будут лидерами мира.

Кризис 2008–2009 годов дал миру две инновации – и это вообще характерно, что инновации очень часто рождаются в кризис, – планшетник, без которого весь мир уже не может жить, и горизонтальное бурение с гидроразрывом пласта. В этом институциональная сила американской экономики, которая дает однозначные сигналы в пользу инновационности. Плюс, конечно, качество научной инфраструктуры, которое привлекает туда лучшие мозги со всего мира, в первую очередь из Европы и Великобритании. Англичане очень на это жалуются: сегодня в Велико-

британии большинство врачей – индусы и пакистанцы, а английские врачи уже в Америке.

Сейчас в Вашингтоне переполох, потому что Камерон решил, что Великобритания станет учредителем Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка, который создаст Китай. По размеру капитала он будет сопоставим с Мировым банком. Очевидно, что китайцы хотят создать ему альтернативу, а англичане относятся к Китаю как к такому экономическому урагану, ветер которого надо поймать в свои паруса. В Вашингтоне, естественно, от этого не в восторге, но Камерон уже принял самостоятельное решение.

Все это – малые элементы пазла, из которого складывается «новая нормальность».

Но нельзя забывать, что при всех кризисах в США срабатывают встроенные адаптационные механизмы, которые меняют векторы политики. Свое место в «новой нормальности» Америка обретет, возможно, при следующем президенте. Или через одного.

Мы уже давно разговариваем на равных с другими игроками, существующими на мировом политическом поле. Россия – большая и уверенная в себе страна. Последние 400 лет мы сохраняем самостоятельность и независимость. Таких стран в мире очень мало. Просто мы слишком долго были жертвами того, что по-английски называется *windfall profits* – непредвиденной прибылью от углеводородов. Теперь придется покрутиться.

Если говорить об отраслях, за счет которых мы сможем вернуть себе статус и влияние в мире, я думаю, есть шанс у сельского хозяйства, у айтишников, потому что IT-компании у нас мирового класса, успешно работают наши нефтяные компании, Российское атомное машиностроение практически номер один в мире. Мы являемся четвертым в мире производителем вертолетов. А сфера услуг: и мобильная связь и крупные банки – вполне мирового класса. На очереди модернизация здравоохранения и образования. Конечно, мы очень много потеряли. И мы по-прежнему не умеем делать автомобили. Ничего, научимся.

Многие эксперты давно прогнозируют исчерпание запасов нефти. Так называемый *oil peak*. Его не будет. Может кончиться

дешевая нефть. Но дорогой нефти на планете хватит очень надолго. Проблема в другом. По самым предварительным оценкам нашего института, где-то на пороге 2035–2040-х годов возможно падение спроса на углеводороды. И это серьезный вызов. Министр нефти Саудовской Аравии сказал замечательную фразу: «Каменный век кончился не потому, что кончились камни. И нефтяной век кончится не потому, что кончится нефть».

Что касается взаимного недоверия и отторжения, на самом деле реальная ситуация не совсем совпадает с картиной, которую рисуют российские и американские телеканалы, где содержание дискуссий прямо противоположное, но те же искаженные лица, беготня по студии.

Есть договоренность о неразмещении ядерного оружия в Восточной Европе, соблюдается договоренность об инспекциях в рамках Договора о стратегических наступательных вооружениях – они соблюдаются всеми сторонами. Недавно с МКС вернулся очередной смешанный экипаж, и его русский командир на вопрос журналистов, ощущалось ли в космосе российско-американское противостояние, ответил: «Это у вас здесь, на Земле. У нас там, когда была утечка газа, мы помогали друг другу надевать противогазы». Так что, несмотря на всю информационную войну, и там, и здесь есть здравые люди.

Конечно, сегодня – и в этом большой просчет Обамы – политику в отношении России формируют примерно такие же специалисты, как те, что формировали политику Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока. Многие американцы, с которыми я встречался, говорят, что эта администрация на втором сроке превратилась в некую капсулу: они считают, что знают все. Я общался в сентябре Нью-Йорке с Генри Киссинджером, он говорит примерно такие слова: «Я в шоке, такого не было в США – чудовищный межпартийный раскол, практически ни по одному пункту нет межпартийного согласия. Я прожил длинную жизнь, слава богу, мне 92, и я такого не помню».

На мой взгляд, тут не последнюю роль сыграло «профессорство», интеллектуальная самовлюбленность Обамы, окружившего

себя людьми, которые, может быть, и кажутся хорошими специалистами, но результат выдают очень скромный. Например, каждые 11 лет США бомбят Ирак. Я знаю многих людей, которые формулируют политику в отношении России – это не самые сильные в профессиональном отношении люди, «доценть», которые читают книжки и питаются информацией из других, очень стилизованных источников. И, как это часто бывает – становятся жертвами своей пропаганды. Но, в конце концов, 4 ноября 2016 года в США будут выборы...

А пока сохраняется, правда в ограниченных размерах, взаимодействие квалифицированных экспертов высокого ранга, по так называемому «второму треку» – помимо министерств иностранных дел и других официальных структур. На одной из таких встреч, например, команда российских специалистов, вместе с американскими экспертами, в ходе достаточно острой, многочасовой дискуссии выработала компромиссный план из 24 шагов по урегулированию украинского кризиса. Так называемый «План Бойсто». По этому поводу было бурное негодование в Вашингтоне, истерика в Киеве, да и в Москве не все радовались. Но 26 августа прошлого года мы одновременно опубликовали его в газете «Коммерсантъ», они – в журнале Atlantic. А 5 сентября появились первые минские соглашения из 12 пунктов, 9 из которых были текстуально близки к тому, что предлагалось в плане по урегулированию. А в целом во все минские соглашения вошли 23 из этих 24 шагов. Это не плохой результат. Дай Бог, чтобы эти соглашения выполнялись.

Мир делает определенный шаг назад от общих ценностей к балансу интересов. Возможно, мы возвращаемся к временам Венского конгресса, который завершил процесс наполеоновских войн, – там был некий европейский концерт наций, когда их лидеры договаривались о пределах своего влияния.

По-видимому, политический и идеологический плюрализм будет новой нормой современного капитализма. То есть нельзя утверждать, что он обязательно будет демократическим. Капитализм сегодня может быть разным. Ну и, конечно, роль новых транснациональных идеологий, таких как политический ислам,

тоже будет формировать современный миропорядок. Он будет полицентричным, но с быстро меняющейся иерархией стран. Посмотрите, за 13 лет Россия поднялась с 9-го места в мире на 6-е, Китай сохранил 2-е место, но совершили очевидный скачок Индия и Бразилия. Конечно, США сохранили 1-е место в мире. Но чего они лишились, на мой взгляд, так это того, чем они обладали в конце XX века – некоего морального авторитета. А вот у ЕС движения разнонаправленные: если он найдет новую, устойчивую модель интеграции, то возможен экономический рост; если же этого не произойдет и будут какие-то шаги в сторону его стагнации, роль ЕС в мире, конечно, снизится.

То же самое можно сказать и о нас. У России есть очевидный прогресс, но в последние годы мы столкнулись с необходимостью поиска новой модели экономического роста. Эта модель должна быть связана со структурными и институциональными изменениями, качеством трудовых ресурсов, инновациями, новыми технологиями. И если мы найдем эту модель, то мы сможем дальше развиваться. Все другие ресурсные компоненты у нас есть. Хотя нас и подпирают такие страны, как Индия и Бразилия, которые тоже претендуют на свою роль в формировании нового миропорядка.

Одно можно сказать определенно: старый мировой порядок сломан, и путь к новому мироустройству будет очень непростым.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ В УСЛОВИЯХ ВАЛЮТНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ДЕНЕЖНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

ABOUT ECONOMIC GROWTH IN CONDITIONS OF CURRENCY INSTABILITY AND MONETARY RESTRICTIONS

М.В. ЕРШОВ

главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член Межрегионального банковского совета при Совете Федерации, член комиссии по банковской деятельности РСНП, д.э.н.

M.V. ERSHOV

director of financial research «Institute for energy and finance», Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Banking Council within the framework of the Council of Federation, member of expert council in the Russian Industrial Union RSPP, Dr. Sc. Econ.

Аннотация

Приведены новые подходы валютной и денежно-кредитной политики, необходимые для прогрессивных изменений в структуре экономики. Рассмотрены особенности формирования валютного рынка с точки зрения волатильности курса, обесценения рубля, неустойчивости процентных ставок. Проанализированы